

ТЕАТР

Вольнолюбивый Бомарше

Труппа Комеди Франсез вчера показала второй спектакль, сыграв знаменитую пьесу Бомарше «Безумный день, или женитьба Фигаро». Одно из крупнейших произведений французской классики, где в изображении поединка господина и слуги выразился вольнолюбивый дух французского искусства, в исполнении театра предстало, полное жизни.

Умный артистизм отличает в спектакле игру Жоржа Декриера в роли Альмавивы. Все в этом характере как бы подчеркнуто при помощи тончайшего и вместе с тем беспощадного пунктира. Высокотонный, надменный, элегантный в своих высоких, ловко охватывающих поги сапогах или тонких чулках, расшитых золотыми блестками, с чуть откинутой назад гордой головой, — это действительно человек, привыкший повелевать, господствовать. Но вот по мере развития действия граф снова и снова попадает в смелое положение. И Жорж Декриер превосходно показывает, как всеми силами Альмавива старается «делать хорошую мину при плохой игре» — скрывать свое новое

и новое поражение. Повелительный жест теперь обнаруживает тревогу и гнев, величественные позы становятся неуверенными и смешными. Увы, павлину приходится убирать свой хвост, ибо нормы жизни меняются, подтачиваются старые устои. Так в комедийных ситуациях, в комическом образе раскрывается большой социальный смысл.

Пылкий темперамент, без которого нельзя было бы сыграть роль заглавного героя пьесы, обнаруживает артист Жан Пиа. С широкой улыбкой на открытом лице, он, кажется, готов обнять весь мир. Этот обаятельный Фигаро исполнен лиризма: когда он целует Сюзанну в первом акте, есть в его чувстве и нежность, и чистота, и глубина. Его изящные позы по мере развития действия приобретают все большую и большую энергичность. Быстрота реакций на все происходящее, взрывы смеха, веселые вскрики и прыжки передают жизнемерность и вольнолюбие души Фигаро. Есть мгновения в спектакле, когда его жест становится широким, сильным, словно он готовится к удару, — и сценический образ Фигаро раскрывает свои новые черты. В монологе пятого акта у Жана Пиа звучит и неподдельная горечь, и смелое требование справедливости. Однако, думается, столкновение графа и слуги сделалось бы в спектакле крупнее, если бы борьба и торжество Фигаро у Жана Пиа приобрели бы более яркие оттенки драматизма и смелости.

Театр снова обнаружил свой безупречный вкус и лаконизм в

выборе деталей оформления (декорации и костюмы Сюзанны Лалик). Металлические, мягко поблескивающие зеркала, шнуры с черными кистями, касающимися золоченых старинных рам, маленькая, украшенная инкрустациями гитара, висящая на стене, широкие полосы солнечного света в комнатах замка, удивительно живые благодаря тому, что высокие оконные рамы отбрасывают на стены еле уловимые прозрачные тени, розы на длинных стеблях в руках женщины в момент свадебного шествия — все помогает передать колорит эпохи и создать атмосферу жизнемерности. Эта атмосфера горячих чувств ощущается не только в изображении влюбленности Фигаро и Сюзанны, но и в еле уловимых, смущенных паузах, возникающих, когда графиня и Керубино остаются наедине.

Полно юмора исполнение комедийных эпизодов, например ревнивой перепалки Сюзанны (артистка Мишели Булэ) и Марселины (артистка Дениз Жанс), словно распалющихся друг друга, когда еще и еще раз повторяемое обращение «мадам» приобретает множество неожиданных дерзких и дразнящих оттенков; или сцена Альмавивы и графини (артистка Элен Педрис) во втором акте, где комическая мимика достигает большой выразительности. Актеры изодрены в умении дать персонажам веселые характеристики при помощи одной детали — таковы нечесанные пряди волос Бартоло, тик, смешно сотрясающий голову

занки-судьи Бридуаэона, или низкие ноты голоса Керубино, переходящие в девичье платье.

Но в этом спектакле режиссерское искусство во многом уступает актерскому мастерству. Вероятно, театр делает ставку на донесение текста комедии, и действительно Бомарше звучит со сцены великолепно. И все-таки можно было ожидать, что режиссура даст гораздо более яркую характеристику «безумного дня», изображенного драматургом, одного дня, в течение которого происходит столько событий, хитросплетений, неожиданных поворотов судеб. Спектаклю недостает единства дыхания. Хотя пять актов пьесы идут только одним актрактом, динамика действия то и дело прерывается; примером этого может служить момент наивного танцевального дивертисмента, на мой взгляд, не соответствующего современному восприятию поэтики Бомарше, или начало пятого акта, где ни в звуковой атмосфере, ни в присемах освещения сцены нет попытки передать напряжение действия. Массовые эпизоды совершенно статичны, многие мизансцены построены фронтально, словно по старинным трафаретам.

Итак, Бомарше сыгран. Неподдельность чувств и страстность мыслей, заключенные в замечательном произведении французского драматурга, захватили зрителей.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО